

Дмитрий КОЗЛОВ:

Зет. клуб. - 1999. -
4 дек. - с. 7.

АРБАТ

СТАЛ ДЛЯ НАС

ОКНОМ В ЕВРОПУ

В 80-е годы этот художник открыл обновленный Арбат. Он первым стал рисовать эту улицу. С тех пор у Дмитрия Козлова было много выставок — и у нас в стране, и за рубежом, где творчество художника вызвало особенный интерес. В Европе нет ни одной страны, где бы не было — в частных ли коллекциях, или музеях — его работ.

— Дима, вы один из первых художников, кто начал рисовать Арбат. Как вообще оказались на Арбате? Почему вдруг пришло в голову взять и выйти со своими работами на улицу?

— Наверное, все еще помнят, как в начале перестройки художники устроили самостоятельную выставку в Измайлове. Для очень многих художников, особенно начинающих, стало, наконец, возможным показывать свои работы и продавать их. Именно с этого момента живопись для них стала источником дохода. Причем основным источником. Потому что до этого считалось, что художник, если он не член СХ, рисует «для души», а зарабатывать на жизнь должен как угодно — хотя бы и вагоны разгружать. А вскоре прошел слух, что художники стали устраивать выставки-продажи на Арбате. И тогда мы, вдвоем с моим другом, замечательным художником Андреем Липатовым, поехали туда. Все художники на Арбате уместались тогда вдоль фасада «Праги». В основном портретисты. И мы тоже встали в этот ряд и выставили свои работы. И вот тут как-то само собою получилось то, чем я вправду, как мне кажется, гордиться. Однажды, чтобы не терять времени даром, мы стали делать графику — тушь, перо или сухая кисть по картону — графику самого Арбата. Просто стали зарисовывать тот вид, который открывался с нашей «торговой точки». Эффект вышел потрясающий: за нашими работами народ становился в очередь. Тема оказалась необыкновенно популярной.

— Как к таким выставкам-продажам на Арбате относились тогда власти, милиция?

— От милиции вообще было очень много неприятностей. Нам

то разрешали выставляться на Арбате, то не разрешали, то забирали всех в участок вместе с картинами, то учиняли настоящие погромы, сбрасывали картины с подставок. И, конечно, особенно бдительно милиция следила, чтобы работы не продавались за валюту. Было очень строго. Но Арбат стал тогда настоящим центром искусства, законодателем мод. Многих художников, в том числе и меня, ценители живописи увидели именно там и пригласили выставляться за рубежом. Кто-то перекопал в московские галереи. Очень известным художником стал Саша Марченко. А Андрей Липатов сейчас директор галереи в Центральном Доме художников.

— Ваша главная тема — Москва. Есть ли у вас, как у художника, любимые места в Москве?

— Да, Москву я писал и пишу очень много. Кроме Арбата и арбатских переулков, я очень много рисовал Сретенку. Однажды серию «Сретенки» — полтора десятка работ — у меня сразу приобрел граф Татищев, потомок белоэмигрантов, и увез их к себе во Францию. Я рисовал и московские монастыри — Андроников, Донской. Были серии «Москво-река», «Яуза». Я шел по Яузе и рисовал эти живописные изгибы, эти старинные арочные мосты. Вообще в исторической части Москвы трудно найти место, где я не рисовал. Единственно, что у меня не вызывает желания рисовать в центре столицы, это Кремль и Красная площадь — избитый, стандартный туристический мотив.

— А бывало такое, что вы нарисовали какой-то дом или улицу, а потом ни дома этого, ни улицы не стало?

— Месяца три назад я собрался сделать новую серию сво-

ей любимой Сретенки. Пришел туда, а там сплошные новоделы. Сейчас в центре Москвы пейзажи меняются так стремительно, что через год-полтора не узнаешь уже того места, где ты когда-то рисовал.

— Когда вы рисуете, к вам, наверное, подходят старожилы этих мест, о чем-то рассказывают, да?

— Постоянно. Я однажды рисовал какой-то симпатичный флигелек. Ко мне подходит старушка и говорит: «Я здесь живу уже много лет. А вот этот маленький флигелечек, что ты, сынок, рисуешь, в 30-е годы принадлежал НКВД. Сюда по ночам свозили живых людей, а вывозили уже не живых». Вот, оказывается, что неожиданно попало на мою картину! И такой милый старомосковский флигелек! Разве подумаешь, что в нем разыгрывались когда-то такие драмы! Поэтому я считаю, что моя картина, которая, надеюсь, жить будет долго, это памятник тем событиям. Вообще, если говорить о памяти, то, мне кажется, художник как никто знает, насколько людям хочется остаться в памяти потомков. Сколько раз бывало — рисуешь, а к тебе подходят местные жители и просят: а не можете ли и меня заодно нарисовать? Ну то есть в качестве композиционной детали поставить куда-нибудь там на задний план как совершенно анонимного обитателя этого дворика. И я обычно всегда нахожу место им на своих картинах. Творения художников, как правило, живут дольше людей. И получается, как будто и жив этот человек. Он все так же сидит на лавочке во дворике.

— Скажите, а если бы вы рисовали не старую Москву, а старый Петербург...

— Я бы это делал в совершенно другой технике. Старая Москва — это охристые теплые

Фото Игоря ИВАНДИКОВА

тона, теплая пастельная гамма. А Петербург — это серо-сине-зеленая гамма.

— Заботится ли как-то сейчас о художниках Союз художников? Чем вообще занимается эта организация?

— Союз нужен сегодня только для того, чтобы я мог реализовать свои работы через салоны. Салоны на Петровке, на Ленинском проспекте, некоторые другие — это салоны непосредственно от СХ, и человек, не являющийся членом СХ, там выставляться не может. И для многих людей, особенно для пожилых художников, это единственная возможность более или менее выгодно продать свою работу. Он же не будет стоять с ней на Арбате или в Измайлове? Нет, конечно! А в салоне он получит 60 процентов от продажи. Это очень выгодные условия. Ведь салоны, не входящие в систему СХ, навешивают себе по 200 — 250 процентов. Естественно, картины там продаются медленнее и художнику перепадает меньше, потому что эти торговцы думают прежде всего о собственных доходах. Что им какой-то старик-художник! Это страшный бизнес «по-русски». На Западе 12 — 15 процентов прибыли считаются большой удачей. У нас же за такие проценты с тобой просто никто работать не будет.

— Может ли современный художник прожить только за счет своего занятия?

— За границей меня журналисты постоянно спрашивают, где я работаю. Я им отвечаю: ну

как где? Я же вроде не бездельник, я пишу картины. Нет, а работаете-то вы где? На что вы живете? Россия, пожалуй, одна из немногих стран мира, где художник может достаточно зарабатывать просто живописью. А у них художник непременно имеет еще какой-то заработок. Бизнесом занимается, например, или еще чем-то. А наши художники, если только они востребованы, живут неплохо. Нет, не шикарно — шикарно живут только придворные художники.

— А как вообще на Западе относятся к нашим художникам?

— Сейчас Запад вполне сыт нашим искусством. Но тем не менее относятся неплохо. Моя первая выставка в Германии в 1992 году, прошу прощения за нескромность, была там настоящей сенсацией. Я не знаю даже, сколько германских газет тогда об этом писали, сколько телевизионных каналов делали репортажи с выставки. Но это потому, что там русских художников новой «перестроечной» волны еще практически не знали. Мне посчастливилось быть одним из первых. А потом русские художники просто так хлынули в Европу. В какую галерею ни зайдешь — повсюду наши художники. Ну и, соответственно, интерес к русской живописи пошел на убыль.

— Дима, уже после того, как вы объехали со своими выставками всю Европу, вы опять появились на Арбате. Это как понимать?

— Я не появлялся с карти-

нами на этой улице уже лет семь. Но совсем недавно я решил вспомнить, как говорится, лучшие годы и опять вышел с этюдником на Арбат. Ничего такого ностальгического и сентиментального здесь нет. Всё гораздо проще. Стало невысказано платить за аренду выставочных залов. Вот я и прибегнул к старому, испытанному средству. И я уже сделал несколько новых арбатских работ, которые у меня тут же с удовольствием купили. Больше того, я встретил на Арбате нескольких наших «первоарбатцев», успешших за это время пожить и в Италии, и в Голландии, но и они по той же причине, что и я, опять вернулись на эту улицу. Поистине, пути Господни неисповедимы.

— А вообще это увязывается с амбициями уже признанного художника — стоять на Арбате?

— Некоторые мои знакомые говорят мне, что вроде бы это уже стыдно — выходить на улицу и торговать. Нет, не стыдно! Ты делай хорошо. Ты рисуешь каждый раз с чувством, что из-под твоей кисти выходит настоящий шедевр. И тогда тебе не будет стыдно. Хорошее искусство никогда и нигде показывать не стыдно. На следующий год я приглашен с выставкой в Германию. Если все будет слава Богу, то там и покажу свое лучшее. В том числе и арбатское.

Встречался
Юрий РЯБИНИН